

А. И. БЕЛЕЦКИЙ

Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в.
о наказании ангела

«Повесть зело полезная о царе Африкийском Асириане и о сыне его Клавдиниосе, како ангел Божий на земли во плоти быле простым чернцем мечь от Бога восприя» зарегистрирована еще в 1882 г. А. Ф. Бычковым в описании сборников Имп. публичной библиотеки.¹ Она не привлекла внимания исследователей старинной русской повести, хотя в 1894 г. И. А. Бычков дал о ней более подробные сведения, отметив ее тематическую связь с одним из «народных рассказов» Л. Н. Толстого.² Не вошла она и в известную библиографию древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской,³ может быть потому, что повести, близкие к религиозной легенде, должны были найти себе место в 3-м, еще не опубликованном выпуске этого издания. Обошел ее молчанием и А. А. Назаревский в своих дополнениях к названной библиографии.⁴

Между тем Повесть представляет интерес не только потому, что она пополняет запас наших сведений о повествовательном репертуаре XVII—XVIII вв. По своей теме она примыкает к обширному циклу устных и письменных легенд и сказок о вторжении некоего сверхъестественного существа в человеческую жизнь и о временном соучастии в ней. Известные апокрифы о Соломоне и Китоврасе, которому в древнееврейской «Агаде» соответствует демон Ашмедай-Асмодей, относятся к древнейшим сказаниям этого цикла. Китоврас, как известно, стихийное существо, к которому неприложима этическая оценка. В дальнейшей истории данной темы образ его раздваивается: в одних легендах сверхъестественное существо оказывается дьяволом, в других — ангелом. В облике дьявола (черта) он часто является в фольклоре разных народов; в художественной литературе он предстает перед нами в произведениях испанских драматургов XVI—XVII вв.,⁵ в немецкой народной книге о брате Рауше⁶ и др. Во-

¹ Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Имп. публичной библиотеки. Составлен А. Ф. Бычковым. Часть первая. СПб., 1882, стр. 274 (№ 57).

² Отчет Имп. публичной библиотеки за 1894 год. СПб., 1897, и отдельно: «Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Имп. публичной библиотеке». Составил И. А. Бычков. СПб., 1897.

³ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, выпуск первый. М.—Л., 1940 (ИРЛИ).

⁴ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, 1955 (ИРЛИ).

⁵ В числе их Лопе де Вега («Fray Diablo», 1630) и анонимный автор (по-видимому, Луис де Бельмонте) пьесы «El diablo predicador» (1623). Анализ этой драмы дал Leo Rouanet во введении к своему переводу: Le diable prédicateur, comédie espagnole du XVII-e siècle. Bibliothèque espagnole. Paris—Toulouse, 1901.

⁶ Народная книга о брате Рауше (Bruder Rausch) издана Зимроком (K. Simrogk. Ausserlesene deutsche Volksbücher... 1867—1871, Bd. VI). Любопытную вариацию того же сюжета находим у украинского полемиста XVII в. Михаила Андреллы

лей-неволей дьявол здесь вынужден появиться в монастыре и либо, вопреки своей природе, призвать грешных монахов к покаянию, либо, наоборот, внести в их среду еще большую греховную смуту.

В другом ответвлении цикла место дьявола занимает ангел. В большинстве рассказов, ведущих свое начало от «Римских Деяний» и нашего «Пролога», ангел, совершив, подобно Китоврасу, ряд странных поступков, открывает впоследствии их тайную целесообразность.⁷ Тема «путей господних неисповедимых» от «Римских Деяний» (и подобных им сборников) идет вплоть до Вольтера (эпизод в «Задиге»). В другой, меньшей по количеству, группе легенд сам ангел не понимает «неисповедимых путей божьих» и за свои колебания ссылается богом на землю. Тема в данном варианте вошла в фольклор, а из фольклора была впоследствии взята и Л. Н. Толстым для рассказа «Чем люди живы?».

Рядом с этим тема об «ангеле на земле» в иных планах варьируется во многих произведениях западноевропейских литератур — от поэмы Ламартина («La chute d'un ange») до романов Г. Уэллса («The Wonderfue Visit»), Анатоля Франса («La Révolte des anges») и др.

Народная легенда, давшая тему Л. Н. Толстому,⁸ некоторыми своими чертами напоминает Повесть о царе Асириане, имеющую черты переводной и в то же время в известной степени откликающейся, как увидим, на актуальные вопросы русской действительности XVII—начала XVIII в.

Тексты Повести сохранились в рукописях ГПБ: в сборниках из коллекций Титова (№ 1530 от л. 54 об. до л. 68 об.; № 1560 — от л. 84 об. до л. 103), Погодина № 1663 от л. 302 (304) об. до л. 324), Буслаева (F. 1. 1161, от л. 382 об. до л. 398 об.). Между ними есть различия. Кроме них, мне известен еще один, неисправный и, видимо, поздний список в одном из сборников б. Церковно-Археологического музея в Киеве (№ 307), находящийся ныне в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки Академии наук УССР. За исключением Погодинского списка, Повесть не имеет заглавия; в сборниках Титова вместо него подзаголовки: «Выписано из книги Палеи толкования из приточника» (№ 1530) и «Выписано ис приточника Палеи толковья». Подзаголовки не помогают установить происхождение.

Не облегчают этой задачи и имена действующих лиц: царь Асириан (участвующий только в начале рассказа), его сын Клавдиниос (Claudianus?), царский воевода или боярин, в рукописях именуемый Авсихим, Есфихим, Ефихим (Εδδχίμων?), сарацинский воевода Цеганус (Αθιγγανος), так же как и названия мест: страна Агалямская (Агарянская?), Атралимская, град Ивилия (Ἰβηρία?) и т. п. Можно предположить греческий прототип, чрезвычайно искаженный в области ономастики и топонимики.

в книге «Перя Михаила Оброна верному человеку», где имется «История, како сатана, имя его бысть Найда, впровадил костелом быти во церкви, аки орудю на враги» (А. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. Памятники церковно-религиозной жизни угро-руссов XVI—XVII вв. Тексты. СПб., 1914).

⁷ О рассказе «Римских Деяний» см. статью С. А. Варшера «История одного литературного сюжета» в книге «Под знаменем науки» (Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко. М., 1902, стр. 99—118).

⁸ Непосредственным источником для Л. Н. Толстого был записанный им рассказ В. П. Щеголенка (Юбилейное издание сочинений Л. Н. Толстого, т. 25, на стр. 544—569 — черновые варианты. См. также: Н. Ф. Сумцов. Литературная родня рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы». — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. IX, 1897, стр. 132—139). Интересно отметить, что тот же сюжет на основе западноукраинской народной легенды заинтересовал И. Я. Франко (Иван Франко, Твори, т. XIII, 3 поэтичної спадщини, Киев, 1954, стр. 32—40, начало неоконченной поэмы «Наймит»). И. Франко знал рассказ Л. Н. Толстого, но начал свою поэму, исходя из имевшегося у него в записи народного рассказа, текст которого приводится в указанном издании на стр. 426—429).

Напомним в общих чертах содержание Повести.⁹ Царь Ассириан отправляет своего боярина (Давида) в некий великий град для управления. Нападающие по пути сарацины убивают боярина и его спутников. Спасается только убежавшая в лес Фекла, жена боярина. В лесу она рождает двух девочек-близнецов и начинает их кормить грудью. Тем временем господь посылает ангела вынуть из нее душу. Ангел впадает в сомнение: хорошо ли он поступит, исполнив божье повеление и оставив младенцев гибнуть от голода или диких зверей. Прилетает другой ангел, вынимает душу у матери, а у послушника отнимается благодать и ангельский чин. В облике инока согрешивший ангел приходит в монастырь Успения Божьей матери, служит там в пекарне, затем становится монахом и живет там тридцать лет, не вкушая ни хлеба, ни воды, не облачаясь в светлые ризы.

Узнав о гибели своего боярина, опечалился царь Ассириан, послал другого воеводу догнать сарацин, вернуть пленных, похоронить убитых. Воевода пришел, разыскал убитых, а среди них своего друга Давида, оплакал его и похоронил с честью, а при помощи монастырского повара, собиравшего дрова в лесу, нашел и тело жены Давида, а при ней двух еще живых младенцев. Предал и мать погребению, а девочек взял и поручил искусным кормилицам. Вернувшись, поведал обо всем царю, а тот повелел ему взять сирот на воспитание. Обе они, названные Мариями, подросли, вышли замуж. Впоследствии, узнав о своем чудесном спасении, порешили вместе с мужьями, с согласия нового царя Клавдиниоса, отправиться в монастырь Успения, поклониться праху родителей.

В монастырской церкви во время панихидного пения с клироса сходит молодой монах, «светлостью украшен не яко человек, но яко ангел», и обращается с речью к братии и ко всем молящимся. Он повторяет уже известную читателю историю об ангеле, не выполнившем наказа господня, и о чудесно спасшихся младенцах. Рассказ заканчивается неожиданным и гневным обращением к монахам: «Слушайте вси безумнии человецы, смертнии тлении, доколе согрешаете, доколе прогневаете господя, словом обидите, сирья насилуете, на беспомощныя клеветаете. Пришелцы и вдовицы не милуете, крадете и убиваете, блудите и прелюбодействуете, неправды и всякое зло творите по вся часы прогневаете сотворшаго вас».¹⁰ От страшного нечеловеческого голоса колеблется церковь; все падают ниц: Я, ангел господень, тридцать лет из-за вас страдал, из-за любви к вам и из-за неповиновения богу. Теперь отхожу от вас, но вы «будете готовы всегда, в день и в ночь, и по всяк час яко тать прииду и уже к тому не пощажу и неготовых застану, и како лют буду к вам без милости душу вашу от телеси вашего разлучю яко хищник немилостивый».¹¹

И затем ангел исчезает, обратясь молнией и оставив монахов в мучительном сознании собственных преступлений.

Архимандрит Иоасаф налагает на них строгий пост: если не покаемся, предаст господь обитель неверным («цыганам»).

И сарацины действительно осадили монастырь. В великой скорби братия взывает к богу, Иоанну Крестителю, святым угодникам и к ангелу, своему бывшему сожителю. Горько рыдают и жалуется обе Марии: хоть бы птица какая поведала царю нашему Клавдиниосу о нашей печали и конечной гибели, чтобы поспешил к нам на помощь! Они припадают к могилам родителей: увы нам, увы, родители наши! Почто на такую великую скорбь нас отдаете? Примите к себе живыми, не можем терпеть поругания от поганых!

⁹ Изложение дается по Погодинскому списку, наиболее пространному.

¹⁰ Погодинский список, № 1663, л. 313.

¹¹ Там же, № 1163, л. 313 об.

И вдруг является столп огненный, а в нем юноша с огненными крыльями и мечом. Он ободряет плачущих женщин и снова клеймит монахов за их грехи: и старших, и младших, также впадших «во пьянство и в блуд, и в славу и похвалу и в празднословие и в тонцы велики грехи их же мирстии человецы прости не творят и невелигии безумнии человецы и ненаказании, и скоты того не творят».¹² Едва удалось ему умолить пресвятую богородицу, уже хотевшую оставить обитель и предать ее в руки поганых. Но умилилась пресвятая дева. Пусть же принесут ее икону, начнут молебное пение; воин небесного царя поведет ополчившихся на брань, и сарацины будут побеждены.

Начинается осада. В обороне принимают участие и женщины. Молитвенные возгласы мешаются с криками осажденных и осаждающих. Вновь простерся огненный столп от земли до неба. Обе Марии, их мужья — бояре Федор и Василиск, и другие благочестивцы видят, как ангел ходит среди сарацинских полчищ и сражает врагов. «Поганые» бегут в страхе, оставив много убитых, раненых и пленных. Спасенные хоронят своих, лечат раненых, а убитых врагов закапывают в яме за пять поприщ от монастыря. Возблагодарив бога, мать пресвятую и ангела-заступника, обе Марии вместе с мужьями и спутниками возвращаются в свой град.

В рукописи из собрания Буслаева конец иной. Спасаются только избранные и поименованные ангелом, а монастырь сожжен вместе с нечестивыми монахами, которые во время пожара стали грабить соборную церковь. «И бысть в велицей каменной соборней и пречудней церкви между собою у всех пря, презвитери и дякони соборнии, и параклисиархи и клирики на служебных и простейших, и бысть котора и пря велия между има».¹³ Но огонь истребил нечестивцев. А царь, узнав обо всем, построил новый монастырь и вместе с боярами сделал в него великий вклад.

Исследователям предстает нелегкая задача определить источник Повести, очевидно, не являющейся точным переводом с чужеземного подлинника. В ней, как видим, несколько механически спаяны разные сюжеты: и о наказании ангела за ослушание, и о чудесно спасенных детях, и об осаде монастыря сарацинами. Повторения в тексте (уже известную читателям историю вторично пересказывает ангел), немотивированность и неподготовленность его обличительной речи — все это признаки либо распада данного легендарного жанра, либо каких-то сокращений, внесенных в изложение теми, кто переводил или перерабатывал неизвестный нам прототип.

Действующие лица все время взывают в бога, молебствуют. Но бог не очень внимает их молитвам, и без заступничества ангела погибли бы и грешные, и невинные. «Неисповедимые суды божи» в истории двух Марий остаются неразъясненными. Намечающийся образ господина — образ сурового, не допускающего никаких колебаний в исполнении своей воли божества, хотя веления его непонятны не только с точки зрения смертных, но и с точки зрения ангелов.

Примечательна резкость обличения монашеской жизни, в известной мере сближающая данную Повесть с антиклерикальными сатирическими произведениями конца XVII в., возникшими в обстановке религиозного кризиса в Московской Руси данного времени.¹⁴

¹² Рукопись из собрания Буслаева, F.I.1161, лл. 319 об.—320.

¹³ Там же, л. 319 об.

¹⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 256—262.